

ценный кадр

Так индивидуально, как он, работает еще только Эдвард Радзинский. «Но мы совершенно по-разному подаем материал», — характерно грассирует Виталий Вульф. 26 сентября, после летнего перерыва и перехода с «Первого канала» на «Россию», «Мой серебряный шар» (новое название) откроется передачей о Владиславе Листьеве.

Зарплата у меня была не бог весть какая

— Вы 13 лет на телевидении, но вовсе не похожи на завсегдатая телецентра...

— Я 9 лет пробыл на «Первом канале» и ни разу не был в кабинете Константина Эрнста. К тому, чтобы уйти, было очень много причин. Это был чисто импульсивный порыв, случившийся в один прекрасный майский день 2003 года. В последнее время я выходил в эфир очень редко...

— Почему?

— Я иногда спрашивал ди-

«Серебряный шар» в новой лузе

рекцию программ. Мне отвечали: тут должен быть хоккей, тут футбол. Ну, ладно. А 24 мая у меня должна была быть программа о Блоке. И мне сказали, что Блока не будет, что его перенесли на июнь. Я написал заявление об уходе по собственному желанию, и ровно полтора месяца Эрнст его не подписывал. Тогда я написал ему короткое письмо, по-моему, очень вежливое. Кончалось оно словами: «Я закрываю «Серебряный шар». Думаю, это вас не огорчит, а только облегчит вашу и без того нервную жизнь. Дружески расположенный к вам Виталий Вульф». После чего 25 июня мне вручили наконец трудовую книжку.

— Вам сложно было уйти в моральном плане?

— И сложно, и нет одновременно. Нет — потому, что со мной ушли несколько человек. Но я, конечно, очень привык. Я же был в телекомпании ВИД восемь с половиной лет. Зарплата у меня была нормальная, хотя и не бог весть какая.

Переименовал «Шар» в «Белую стаю»

— Наверное, в вас многие каналы вцепились, когда узнали о вашем уходе?

— Первым мне позвонил генпродюсер «России» Сергей Шумаков, на следующий день — Олег Добродеев, попросил приехать. Но поскольку Сережу я хорошо знаю, в кабинет я пришел к нему. Только вошел — вслед за мной Добродеев. Мы сидели часа два, разговаривали вообще о жизни. После чего Олег Борисович сказал: «Я очень рад, что вы у нас. Делайте все, что хотите. И придумайте название». Я придумал «Белая стая», поскольку очень люблю этот цикл ахматовских стихов. Однако буквально за несколько дней до премьеры позвонил Шумаков: «Мы подумали с Олегом, что людям будет трудно привыкнуть к «Белой стае». Предлагаем назвать передачу «Мой серебряный шар». Мне это понравилось.

Следующей проблемой стало оформление новой студии: ее у меня до сих пор нет. Все, что придумывают художники, руководство не принимает. Люди заинтересованы, чтобы программа вышла. Там, на «Первом», никого никогда не интересовало, чем я занят. Все время было такое ощущение, что ты сдаешь экза-

мен и ждешь, какую оценку тебе поставят. А я уже вышел из того возраста, когда нужно сдавать экзамен. Не было ощущения комфорта, исключая годы работы с Владом. А с Костей отношения были ни плохие, ни хорошие. Не было отношений.

— Насколько наше телевидение соответствует тому, что хотел из него сделать Листьев?

— Конечно, многое не то. От создателя компании ВИД, когда-то она была молодежной, где все заботились друг о друге. Начальство устраивало для своих сотрудников круизы, они и с «Темой», и с «Поле чудес» ездили за границу... Сейчас этого ничего нет. И дело не в том, что нет круизов. Нет никакой заботы, потому что гендиректор ВИДа Лариса Синельщикова... Она умная женщина, жена Эрн-

— Сделанные под меня? Их много. Смотрю. Улыбаюсь.

— О плохом не будем. А кто вам симпатичен?

— По-моему, очень знающий человек Сергей Урсуляк.

— Вас интересуют люди со сложной судьбой. Среди современных видите достойные объекты?

— Я об этом очень много думаю. Да, мне бы хотелось о ком-то современном, молодым, кому до 30 лет, сделать передачу. Пока что я сделал программу только об одном молодом человеке — танцовщике Николае Цискаридзе. А в драматическом театре сегодня люди более закрытые. Это внешне они открыты. Это во-первых. А во-вторых, раньше вели дневники, писали письма. Сейчас ничего не остается: поговорил по телефону — и все. Поэтому сделать о ком-то современном

хо. Жду трамвая. Когда трамвая нет, бегу на автобусную остановку...» Я это прочел и обомлел от их love story.

Элиты в России нет

— Мертвым — мертвое. А вот живым наверняка не всем нравятся ваш «взгляд со стороны»...

— Начнем с того, что я никогда не показываю программы своим героям. Зачем? Это ведь мой авторский взгляд. За всю историю «Серебряного шара» на меня обиделись два человека — Валентин Гафт и Татьяна Доронино. Но если у Дорониной были основания обижаться, то у Гафта не было. Мне эту историю даже вспоминать неприятно.

С Валей я дружил лет 25—30. Он мне рассказал свою жизнь, и я решил поведать о нем не как об актере, а как о человеке, о его трудном пути. Вале жутко не понравилась программа. По моим понятиям, он должен был мне позвонить, тем более что у нас были такие отношения, мы каждое утро разговаривали с ним по телефону. А он мне не позвонил. Через два дня я узнал, как он за спиной поливал меня в театре. Я очень разозлился. Одно время мы даже не здоровались. Сейчас здороваемся, поздравляем друг друга с днем рождения. Но прежних отношений нет.

— С кем из элиты вам интересно общаться?

— А что вы имеете в виду? В старое время элитой назывались люди избранные, аристократического духа. Сегодня их нет. Могут сказать, кого я ценю: Марка Захарова, директора театра «Современник» Леонида Эйрмана, Андрея Разбаша и еще нескольких человек. Но это не элита — просто умные, образованные люди. Нет элиты сегодня в России. Когда говорят «политическая элита» и показывают Жириновского, мне становится смешно.

— Последний вопрос. Вы выпустили 103 программы и останавливаться не собираетесь. О каждом герое рассказываете без сфлера, по памяти. Как умещается в голове столько информации?

— Эта информация называется «культура», которой я занимаюсь всю жизнь. Я все-таки доктор наук, не забывайте об этом.

■ Ольга Сабурова.

“ **Мое письмо Эрнсту кончалось словами: «Я закрываю свою программу. Думаю, вас это не огорчит».** ”

ста. Ее никогда нет, я вообще ее видел раза три-четыре. Сегодня ВИД фактически принадлежит «Первому каналу» и не имеет никакого отношения к тому, что было при Листьеве, который в качестве гендиректора успел побыть всего 34 дня. Так что сегодняшний «Первый канал» — все то, что делает Константин Львович. Но, как каждый одаренный человек, Эрнст убежден, что только он один все понимает. Я ему был чужд. Когда встречались, очень мило улыбались, шутили иногда. Но чтобы мы по делу с ним поговорили? Чтобы он мне позвонил и высказал свое мнение о программе? Да никогда!

— А Добродеев говорит?

— Ну, я тут сделал только одну передачу, а там было 102. Что будет здесь? Поживем — увидим. Я только знаю, что Листьев обожал программу. И я это же отношение чувствую сегодня на втором канале. Доброе слово и кошке приятно.

Обомлел, узнав love story Сталина

— Вы смотрите программы, которые появились после «Серебряного шара»?..

программу невозможно технически. Да и таких личностей, как Бабанова, Тарасова, Уланова, нет.

— Главное на телевидении — картинка. В вашем случае она почти стопроцентно статичная, но всем интересно. Как это возможно?

— Наверное, природа наделила меня каким-то свойством рассказывать так, чтобы было интересно слушать. Многое ведь именно от этого зависит, а не только от драматичности судьбы героя. Должна быть в ведущем харизматическая струя, которая заставит зрителя его слушать.

Мне приятно, что сегодня, когда такое падение культуры, люди смотрят мою программу, которая носит явно познавательный характер. Вот сейчас я работаю над передачей, которой очень увлечен. Она выйдет 13 октября — «Надежда Аллилуева. Жена Сталина». Все знают только то, что она покончила жизнь самоубийством — и все. А я прочел их переписку. Аллилуева очень любила Сталина. Приведу вам один пример: она не пользовалась его машиной. Учась в промакадемии, она писала: «Встаю в полдевятого утра и бегу на трамвайную остановку. Транспорт работает пло-